

© 2014 г. А.С. ЗВЕРЕВ

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ КОНЦА ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ ПИСЬМЕННОГО ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА*

Несмотря на исключительно важную роль знаков препинания в структуре японского текста, пунктуация по-прежнему остается практически неизученным компонентом японской письменности. В настоящей статье пунктуационные единицы получают развернутое описание на основе теоретического аппарата, разработанного для непунктуационных служебных показателей, и в результате наравне с последними встраиваются в общую систему письменного языка. Возможности развиваемого подхода демонстрируются на материале японских знаков препинания конца предложения, которые обнаруживают определяющие свойства модально-экспрессивных заключительных частиц.

Ключевые слова: японский язык, знаки препинания, пунктуация, заключительные частицы, модально-экспрессивные частицы, точка, вопросительный знак, восклицательный знак, многоточие, тильда

The Japanese punctuation should be considered as an integral part of the authentic writing system. However, the importance of this field used to be underestimated and until the mid-1980s there appeared to be very few linguistic works on this subject. The latest years' burst of interest in punctuation is mostly aimed at the needs of natural language processing.

The study approaches the phenomenon of punctuation drawing a clear distinction between grapheme classes and POS categories, which tend to be readily confused with each other. When not treated as a purely graphical phenomenon but considered from the point of view of grammar, the concept of punctuation appears to involve a rather diverse set of language units. The grammatical features and functions of punctuation marks within the system of written language are found to be identical or close to those of various conventional language units, mainly syntactic grammatical markers.

This paper is intended to demonstrate the efficiency of the proposed approach and is confined to the punctuation marks that are placed in the end of a sentence in modern Japanese texts. The punctuation units of this type are argued to possess the defining properties of sentence-final discourse particles used in written language.

Keywords: Japanese, punctuation marks, EOS-punctuation, sentence-final particles, full stop, question mark, exclamation mark, ellipsis, swung dash

ВВЕДЕНИЕ

Японская пунктуация – неотъемлемый компонент оригинальной системы письма, который до сих пор почти не подвергался научному описанию. Формирование пунктуационных норм в японском языке происходило главным образом в послевоенный период, а становление японской пунктуации как предмета лингвистических исследований приходится только на 1980-е годы. К настоящему времени эта сторона письменного языка остается практически неизученной, и наша статья в некоторой степени восполняет пробел в этой области японистики.

* Работа поддержана грантом РФФИ № 14-06-00211а.

Наиболее развитое направление в общей теории пунктуации, в рамках которого выделяются исследования [Шапиро 1955; Шварцкопф 1988; Nunberg 1990], рассматривает ее как внутреннее явление письменного языка и изучает обусловленность расстановки знаков препинания структурно-смысловыми факторами вне связи с интонацией или паузацией. С точки зрения авторов данных работ, современная пунктуация представляет собой самостоятельный лингвистический феномен – нечто большее, чем искусственную надстройку, введенную в систему письменного языка для более точной передачи устной речи. В выполненных ими исследованиях наблюдается осознанный отход от синкретичного восприятия знаков препинания и их устных коррелятов, которое характеризует представления грамотных носителей и находит неизменное выражение в ориентированных на широкую аудиторию пособиях и справочниках, подобных [Oogui 2006; Shoogakukan 2007]. В терминах [Алпатов 1993] эту особенность подхода следует расценивать как проявление системоцентризма; в то же время взгляды указанных авторов сохраняют и антропоцентричные черты. В области пунктуации все еще не проводится различия между разными уровнями письменного языка (в частности, графическим и синтаксическим): знаки препинания описываются только как графемы – единицы самого нижнего уровня. Видимо, во многом именно это метонимическое отождествление способствовало закреплению подхода к знакам препинания как к некоторому специальному классу письменных показателей, ограничивая при этом применение выработанных лингвистической наукой инструментов описания. Такое мышление препятствует самому возникновению идеи о приложении к знакам препинания понятий вроде «союз» или «субстантиватор»; их использование, напротив, предполагает отход от традиционных представлений о пунктуации как о чисто графическом явлении. В названных работах пунктуация предстает системой вспомогательных графических помет, которая рассматривается на одном уровне с лексико-грамматическими средствами языка и в то же время видится как нечто отдельное от них. В фундаментальных исследованиях [Шапиро 1955] и [Шварцкопф 1988], выполненных на материале русского языка, убедительно обосновывается обусловленность расстановки знаков препинания грамматическими факторами – но сами эти знаки не рассматриваются в качестве полноценных служебных показателей, в отличие от синонимичных им единиц письменного языка с сегментными устными коррелятами. В монографии [Nunberg 1990] английская пунктуация связывается с особой «текстовой грамматикой», которая описывает исключительно формальные пунктуационные явления письменного языка и существует параллельно обычной «лексической грамматике» [Nunberg 1990: 17–23].

Более того, все указанные работы являются антропоцентричными в своей основе, поскольку в самом выборе предмета исследования их авторы исходят из априорных представлений о классификации знаков письма – информации, изначально доступной им как носителям и составляющей часть общей языковой компетенции. Эти представления могут выступать хорошим ориентиром, когда речь идет о родном языке исследователя, могут относительно успешно применяться к близкой письменной традиции, но оказываются недостаточной базой для описания иноязычной графической экзотики. Поэтому носитель русского языка, приступая к изучению японского материала, испытает затруднения при интерпретации знаков вроде нотки ♪, звездочки ☆ (★) или сердечка ♥ (♡), которые в условиях неформального электронного общения употребляются подобно вопросительному и восклицательному знакам [Akizuki 2009: 247–250]; такое же употребление имеет и символ W, известный любому европейцу как буква (расширенного) латинского алфавита. Важно и то, что молодежный сленг – не самая престижная для изучения область языка – практически не охватывается малочисленными японскими источниками по проблемам пунктуации, так что сторонний исследователь, вероятнее всего, даже не сможет заимствовать необходимые знания о статусе этих знаков из описательной литературы.

Потребность в объективно-научном подходе к пунктуации, который бы не только мог применяться к материалу любых письменных систем, но и соблюдал принципы классического уровневого подхода, наблюдается и в практических приложениях лингвистической науки. В морфологический словарь [Unidic], ставший ценной лексико-

графической базой для многих проектов по автоматической обработке японского языка, тильда ~ оказалась включена и в качестве специального символа (補助記号 *hojokigoo*) и – отдельно – в качестве падежной частицы (格助詞 *kakujoshi*). Тем самым вследствие одновременной классификации единиц письменного языка по разным основаниям тильда была охарактеризована и как представитель класса графем и как элемент канонического частеречного класса с известными свойствами – лексико-грамматическая категоризация оказалась смешанной с классификацией графем. Точно так же единица % вошла в словарь не только как спецсимвол, но и как существительное-классификатор (как, например, 割 *wari* 'десять процентов' – ср. 5 割の地域 *go wari no chiiki* '50% территории' и 50% の地域 *gojuu paasento no chiiki* с тем же значением). На материале английского языка проявления похожего подхода встречаются в ориентированных на машинный анализ работах [Fornell 1996; Jones 1996], где единицы вроде %, \$ или & рассматриваются в одном ряду с точками и запятыми, несмотря на наличие сегментных устных соответствий, и вместе с тем характеризуются наравне со своими буквенными синонимами. Таким образом, по крайней мере в отношении такого рода пунктуационной периферии можно видеть явные признаки критического переосмысления традиционных представлений о знаках препинания с позиций научного системоцентризма.

Стоит подчеркнуть, что свойства устных коррелятов (как и само их наличие или отсутствие) де-факто не являются единственно решающими для отнесения к средствам пунктуации тех или иных графем – как и другие объективные критерии, этот фактор только обнаруживает некоторую выраженную корреляцию. Представления о классификации знаков письма, отраженные в популярных пособиях, нормативных документах и перенесенные в готовом виде в теоретические работы, оказываются в этом отношении слишком непоследовательными и неполными. Ситуация, которая наблюдается в японском языке, не составляет исключения. Уже упоминавшаяся тильда ~ в сочетаниях вида А ~ В при чтении вслух нормативно озвучивается как *naishi* или *kara... (made)* 'от... (до)' и при этом уверенно относится современными авторами к разряду знаков препинания [Данилов, Сыромятников 2001; Fornell 1996; Oorui 2006; Shoogakukan 2007]. В то же время редкие источники безусловно включают в перечень знаков препинания пробел и переход на новую строку, и только исключительно неконсервативные авторы решаются рассматривать вместе с традиционными пунктуационными средствами единицы типа ♪, ☆ и ♪ – эмоциональные маркеры без сегментных соответствий в системе устного языка (ср. [Akizuki 2009: 247–250]). Такие единицы описываются как специфические элементы молодежного языка сетевого общения, и мы не можем быть уверены, что они равно могут быть причислены к знакам препинания с точки зрения старшего поколения (сказанное справедливо и для устойчивых графических сочетаний вроде смайликов-*kaomoji*). Наконец, такой базовый знак препинания, как кавычки 「」, вообще не мыслится в терминах устных коррелятов, но прямо ассоциируется с определенной семантико-синтаксической информацией (см. описания [Данилов, Сыромятников 2001; Oorui 2006; Shoogakukan 2007]).

Отсутствие сегментных устных коррелятов стоит в ряду других критериев-признаков пунктуации, которые согласованно выделяют ее прототипическое ядро, но допускают разнообразные отклонения на спорной периферии – как в рамках конкретных языков, так и в условиях распространенного обобщающего взгляда на пунктуацию как на относительно единообразное межъязыковое явление. Так, символы % и № обладают вполне определенными сегментными устными коррелятами, знак повтора иероглифов ♪ в японском языке наделяется таковыми в конкретных речевых контекстах, но не в системе языка, апостроф ' употребляется внутри слов¹, капитализация супraseгментна, а пробел не имеет материального выражения. В этом смысле пунктуация как (межъ)языковой феномен с уверенно выделяемым ядром и нечеткой периферией не отличается от многих других лингвистических понятий.

¹ Мы полагаем тем не менее, что некоторые элементы «внутрисловной пунктуации» могут рассматриваться в качестве отдельных синтаксем-интраклитик, которые своим клитическим статусом не выделяются среди прочих пунктуационных единиц. Но вопросы линейно-синтагматического статуса знаков препинания мы оставляем за рамками данной статьи.

Все эти обстоятельства следует принимать во внимание при выработке научного подхода к изучению пунктуации и письменного языка в целом – в том числе определяя, в какой степени описание визуальных средств передачи информации можно ставить в зависимость от их связи с явлениями параллельно функционирующей знаковой системы акустической природы. При антропоцентричной ориентации исследований, очевидно, следует учитывать то, что элементы двух систем в сознании носителей массово образуют тесные парадигматические единства, а одна из этих систем является первичной. Подход к «пунктуационной периферии» письменного языка, развиваемый в работах [Шапиро 1955; Шварцкопф 1988; Nunberg 1990], отчетливо направлен на снижение указанной зависимости.

Предлагаемый подход к изучению пунктуации продолжает системоцентричное развитие той позиции, которая была представлена в упомянутых работах [Шапиро 1955; Шварцкопф 1988; Nunberg 1990]. Знаки препинания также рассматриваются нами не как несовершенное средство для передачи интонации и пауз, но как самодостаточное явление письменного языка. Однако знакам препинания не придается статуса какого-то обособленного класса графических показателей: они органично встраиваются в общую систему непунктуационных единиц. Это сближает наши взгляды с подходом, предлагаемым в монографии [Шаляпина 2007: 190]: «в письменной форме языка союзам и частицам <...> вполне аналогичны знаки препинания, которые также рассматриваются при описываемом подходе как служебные лингвистические сущности». Наше описание основывается на следующих принципах:

1) Знаки препинания могут рассматриваться не только как графемы, но и как единицы более высоких уровней языка, записанные при помощи этих графем. К пунктуации применим тот же самый многоступенчатый подход, что так удачно демонстрируется на примере латинского «I» [Реформатский 2000].

2) При таком рассмотрении знаки препинания проявляют разностороннее сходство с прочими языковыми средствами, прежде всего служебными показателями, и могут быть описаны по тем же самым принципам.

3) Интегрированные таким образом в систему письменного языка, с точки зрения своих функций внутри этой системы знаки препинания не сохраняют того единства, которое приписывается им на графическом уровне, но распределяются по разным классам таких показателей.

Графическая специфика признается нами релевантным свойством знаков препинания, имеющим большое значение для выделения этих показателей в тексте. Но это важное свойство, как и особенности их устных коррелятов или характер соответствий между явлениями графики и синтаксиса, не имеет прямого отношения к проблемам собственно грамматического описания, в частности частеречной классификации единиц письменного языка.

В данной статье мы демонстрируем возможности развиваемого подхода на избранном материале наиболее распространенной японской пунктуации конца предложения. Употребляемые в этой позиции знаки препинания рассматриваются нами как заключительные частицы, функционирующие в письменной форме языка. Такое избирательное освещение предметной области, вероятно, расходится с традиционным представлением о пунктуации как о едином графическом явлении. Однако стремление описать все заключительные знаки препинания в одной статье привело бы к неприемлемому увеличению ее объема, а описание других пунктуационных средств вроде падежного показателя ~, связки = или союзного наречия , помимо прочего, потребовало бы привлечения совсем иного теоретического аппарата и углубления во множество разных разделов лингвистики.

1. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Заключительные частицы (яп. 終助詞 *shuujoshi*, англ. *sentence-final particles*) – признанный класс служебных показателей японского языка [Алпатов и др. 2008: 452–471; Кизда 2008: 615–625; Прасол 1999; Martin 2004: 914–958]. Располагаясь в абсолютном

конце предложения, эти частицы маркируют его правую границу. Завершение предложений при помощи заключительных частиц чрезвычайно распространено в устной бытовой речи [Алпатов и др. 2008: 452–453; Прасол 1999: 13–14]; употребление заключительных знаков препинания, прежде всего точки, – норма современного письменного языка. В следующем примере предложение оканчивается группой из двух вопросительных частиц *の ? no?*:

- (1) 君はなにが怖いの？
 kimi wa nani ga kowa-i no?
 ты TOP что NOM страшный-PRS PTCL
 'Что же ты боишься?' [BCCWJ]²

Частицы этого класса могут обозначать и правую границу в составе придаточного предложения-цитаты:

- (2) めぐみさんは私に、日本語ができるかと聞いた。
 megumi san wa watashi ni, nihongo ga
 Мэгуми сан TOP я DAT японский_язык NOM
 deki-ru ka to ki-ita.
 мочь-PRS PTCL QUOT спрашивать-PST
 'Мэгуми-сан спросила меня, говорю ли я по-японски' [BCCWJ].

- (3) この調子ですよ！と先生にも褒められました。
 kono chooshi des-u yo! to
 этот состояние COP.ADR-PRS PTCL QUOT
 sensei ni mo home-rare-mash-ita.
 учитель DAT тоже хвалить-PASS-ADR-PST
 'И учитель меня похвалил: «Вот так и надо!»' [BCCWJ]

В примере (2) на правую границу цитаты указывает вопросительная частица *か ka* (левая граница отмечена запятой); в примере (3) прямую речь завершает последовательность заключительных частиц *よ!yo!*.

Следует подчеркнуть, что функция сегментации речевого потока не является прерогативой пунктуации. В частности, в обозначении правой границы предложений на письме задействованы как конечные знаки препинания, так и заключительные частицы с сегментными устными коррелятами (которые выполняют указанную функцию в устной речи наряду с просодическими средствами).

Выделение предложений в потоке устного или письменного дискурса – базовая синтаксическая функция заключительных частиц. Вместе с тем оформление квантов-предложений показателями одного класса обеспечивает формальное единство всего текста.

Еще одна важная функция заключительных частиц состоит в придании модально-экспрессивной окраски ограниченными ими фрагментам текста. Эта роль отражена в другом распространенном названии этих показателей – «модально-экспрессивные частицы» (МЭЧ). Данный термин широко применяется и в настоящей статье.

Модально-экспрессивная маркированность накладывает заметные ограничения на сферу употребления частиц этого класса. При описании МЭЧ внимание исследователей обращается главным образом на устную форму языка: именно бытовая устная речь называется в качестве основной области распространения этих частиц [Алпатов и др. 2008: 452–453; Прасол 1999: 13–14]. При этом справедливо отмечается определяющее значение иных характеристик дискурса, отличных от собственно канала передачи информации: его неформальности, эмоциональности, пониженного уровня вежливости.

² Следуя традиции, мы не глоссируем знаки препинания во избежание излишней громоздкости записи и необходимого углубления в проблематику линейно-синтагматического статуса.

В данной статье акцент смещен на явления письменного языка. Те из заключительных знаков препинания, которые активно употребляются в чисто синтаксической функции, лишенные модально-экспрессивной нагрузки (точка, многоточие), менее всего подвержены стилистическим ограничениям. Знаки конечной экспрессивной пунктуации можно встретить в заголовках газет или броской рекламе, в имитирующих устную речь диалогах в художественных произведениях [Данилов, Сыромятников 2001]. Такие знаки обильно используются в японских комиксах-*manga*, в неформальных бытовых текстах вроде кратких записок или объявлений [Маевский 2000: 114]. Но главная область распространения пунктуационных МЭЧ, где наблюдается их наибольшее разнообразие, – это эмоциональная и персонализированная речь, представленная в сфере неформальной электронной коммуникации.

Выраженная жанровая специализация МЭЧ отражена в следующей таблице, где представлены основные результаты поверхностного статистического анализа материала «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» [BCCWJ]. Корпус составлен из 13 противопоставленных по жанру подкорпусов: книги (два подкорпуса, объединенных нами при анализе), газеты, журналы, «белые книги», бестселлеры, блоги, тексты вопросно-ответного сервиса, законы, парламентские протоколы, рекламные журналы, учебники и поэтические произведения. В таблице приведены нормализованные по объему подкорпусов данные о встречаемости в конце предложения пунктуационных и непунктуационных МЭЧ, отобранных по признакам наибольшей употребительности или функционального сходства. Для каждой из рассмотренных МЭЧ указаны два подкорпуса, в которых содержится основная масса ее употреблений в [BCCWJ], а также суммарная доля, приходящаяся на два подкорпуса интернет-дискурса – Yahoo! ブログ *Burogu* (блоги) и Yahoo! 知恵袋 *Chiebukuro* (вопросно-ответный сервис, ВиО).

Представленный в корпусе интернет-дискурс обеспечивает основную массу вхождений для рассмотренных как пунктуационных, так и непунктуационных МЭЧ. Кроме того, заметно распространение МЭЧ в наименее консервативной художественной литературе. Сравнительно малая доля интернет-дискурса в употреблении многоточия может быть связана с выполнением функции, не предполагающей обязательной модально-экспрессивной нагрузки, – указанием на незавершенность при неполном цитировании, – а также с исключением из рассмотрения многочисленных нестандартных графических вариантов этого показателя (см. описание ниже). В распределении стилистически немаркированной вопросительной частицы か *ka*, вероятно, решающим фактором явилось распространение предложений с вопросительной модальностью.

Как сообщает монография [Akizuki 2009: 250], описывая многообразные пунктуационные инновации языка электронного общения, «конец предложения понимается как место, куда должны помещаться знаки и символы, выражающие отношение пишущего». Эта формулировка в точности соответствует замечанию С. Мартина о «тенденции присоединять [к концу предложения] заключительные частицы с целью как-то дополнительно указать на отношение говорящего к тому, что он говорит» [Martin 2004: 914].

2. ОСНОВНЫЕ ПУНКТУАЦИОННЫЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

В данной главе предлагается содержательная характеристика основных пунктуационных МЭЧ японского языка, составленная с опорой на терминологию и классификацию, предложенную в исследовании [Прасол 1999]. В значении разных пунктуационных заключительных частиц сочетаются модальный и экспрессивный компоненты. Освещение всех семантических нюансов конечной пунктуации составляет не менее сложную задачу, чем описание других частиц, и мы обращаем внимание только на главные черты, определяющие место этих показателей в общей системе МЭЧ.

Таблица 1

МЭЧ в [BCCWJ]: употребительность в интернет-дискурсе

МЭЧ	2 подкорпуса с наибольшей долей от общего числа употреблений МЭЧ		Всего в 2 интернет-подкорпусах
か	Yahoo! ВиО 102339 (44,84 %)	Учебники 2189 (10,60 %)	116501 (51,09 %)
?	Yahoo! ВиО 141334 (56,32 %)	Yahoo! Блоги 46755 (18,75 %)	188089 (75,07 %)
よ	Yahoo! ВиО 26568 (27,89 %)	Бестселлеры 5583 (16,06 %)	38535 (40,52 %)
!	Yahoo! Блоги 90558 (48,79 %)	Yahoo! ВиО 32482 (17,39 %)	123040 (66,19 %)
が	Yahoo! ВиО 6042 (41,26 %)	Yahoo! Блоги 3280 (22,54 %)	9322 (63,80 %)
...	Yahoo! Блоги 13184 (24,93 %)	Бестселлеры 3744 (19,28 %)	17532 (33,10 %)
ね	Yahoo! ВиО 34370 (28,63 %)	Yahoo! Блоги 29269 (24,53 %)	63639 (53,17 %)
~ ³	Yahoo! Блоги 18348 (78,28 %)	Yahoo! ВиО 3176 (13,47 %)	21524 (91,75 %)

2.1. Вопросительный знак

В отличие от письменных европейских языков, где вопросительный знак служит нейтральным показателем вопроса в конце предложения, в японских текстах эта роль отводится частицам с сегментными устными коррелятами, в числе которых выделяется частица *か* *ka* – стандартный грамматический показатель вопроса. Вопросительный знак 疑問符 *gimonfu* ? используется главным образом для усиления вопросительной экспрессии [Данилов, Сыромятников 2001: 85–86; Zverev 2013]; в соответствии с выполняемой функцией основная доля его употреблений в [BCCWJ] приходится на позицию после других вопросительных частиц в конце предложения [Zverev 2013]. Типичный пример:

(4) なぜ付き合うのを止めたか?

naze tsukia-u no o
почему общаться-PRS NML ACC
tome-mash-ita ka?
прекращать-ADR-PST PTCL
'Почему же [вы] прекратили отношения?' [BCCWJ]

³ Интерфейс [BCCWJ] дает возможность ограничить поиск позициями в конце предложения – в сочетании с элементами ручной проверки это позволило исключить из рассмотрения ряд омонимичных употреблений.

Экспрессивная неформальная окраска отличает японский вопросительный знак от европейских аналогов и других вопросительных МЭЧ письменного языка и отражается на сфере распространения этого показателя: 80,6 % его употреблений в [BCCWJ] приходятся на эмоциональный и персонализированный дискурс интернет-подкорпусов⁴ [Zverev 2013].

Иногда вопросительный знак может служить единственным отличительным признаком вопросительного высказывания, так что его грамматическая нагрузка возрастает и на первый план выходит неэкспрессивный компонент значения.

- (5) 「<...>犯行現場の報告書を読んだ？」
 «hankoo-genjoo no hookokusho o yon-da?»
 преступление-место.действия GEN отчет ACC читать-PST
 «[Ты] прочитал отчет с места преступления?» [BCCWJ]

Ср. с утверждением:

- (6) 「犯行現場の報告書を読んだ」

В отличие от ? частица か в роли единственного маркера-вопроса в позиции после неадресивных глагольных форм придает предложению слишком резкий и грубый оттенок [Akizuki 2009: 245–246]; не исключено, что и в контекстах типа (4) добавление ? на месте точки может делать вопрос не только более эмоциональным, но и более мягким и вежливым.

Распространенные в японистике представления, согласно которым распределение ? и か приближается к дополнительному, не принимают в расчет основной сферы употребления вопросительного знака. Между тем, по нашим подсчетам, в [BCCWJ] в целом случаи совместного использования в конце предложения составляют более 30 % употреблений⁵ каждой из этих частиц, а в интернет-подкорпусах ка сопровождается вопросительным знаком в 84,7 % случаев (? сочетается с ка в 58,0% своих употреблений).

В терминах [Прасол 1999] вопросительный знак характеризуется нами как экспрессивная вопросительная МЭЧ письменного языка.

Как и многие другие привнесенные элементы европейской пунктуации, вопросительный знак оказался вовлечен в обычный для межъязыковых заимствований процесс адаптации, допускающий изменения в значении и функции. Встраивание ? в систему вопросительных МЭЧ письменного языка происходит во взаимодействии с другими показателями вопроса с сегментными устными коррелятами, и на современном этапе этого процесса ведущая роль принадлежит сфере электронной коммуникации.

2.2. Восклицательный знак

Если вопросительный знак естественно сопоставлять со стандартным вопросительным маркером か ka и другими вопросительными частицами, то восклицательный знак 感嘆符 *kantanfu* ! по модальному компоненту значения относится нами к группе МЭЧ, усиливающих категоричность высказывания, и сближается в первую очередь с такими частицами, как よ yo и ぞ zo (см. описания [Прасол 1999]). Семантика восклицательного знака тоже отличается сильным побудительно-апеллятивным компонентом, что проявляется в его активном употреблении при обращениях и императивных формах. Справочник [Oogui 2006: 68] сообщает, что с помощью этого показателя может передаваться приказание, требование, твердое утверждение; по данным [BCCWJ], в сочетаниях с восклицательным знаком доля императива (命令形 *meireikei*) среди глагольных форм возрастает в 26 раз (χ^2 , $p < 0,001$). Как экспрессивный маркер восклицательный знак может применяться для подчеркнутого выражения широкого спектра эмоциональных со-

⁴ Последовательности длиной 1–5 символов в любых позициях с учетом нормализации по объему подкорпусов.

⁵ Без нормализации по объему подкорпусов – более половины.

стояний: радости, удивления, недоумения, нетерпения, негодования и др. [Shoogakukan 2007: 34]. Примеры:

- (7) 「陸が見える！」と、彼は叫んだ。

«giku ga mie-ru!» to, kare wa saken-da.
земля NOM виднеться-PRS QUOT он TOP кричать-PST
'«Земля!» – закричал он' [BCCWJ].

- (8) あれえ！助けてえ！

aree! tasuke-tee!
INTJ помочь-IMP
'Э-эй! Помоги-ите!' [Shoogakukan 2007: 34]

- (9) 「今度こそおまえを殺してやる！友姫！」

「よせ、漁！」

«kondo koso omae o korosh-ite yar-u! tomohime!»
теперь FOC ты ACC убивать-CNV AUX.BEN-PRS Томохимэ
«yos-e, gyoo!»
переставать-IMP Pë
'– Вот теперь я тебя прикончу, Томохимэ!
– Хватит, Pë!' [BCCWJ]

- (10) 次郎！始めるぞ！仕事だ、仕事だ！

jiroo! hajime-ru zo! shigoto da,
Дзиро начинать-PRS PTCL работа COP.PRS
shigoto da!
работа COP.PRS
'Давай, Дзиро! За работу, за работу!' [Прасол 1999: 163]

Следует обратить внимание, что в последнем примере (10) именно комбинация заключительных МЭЧ **ぞ!** *zo!* сообщает о побудительном характере высказывания, тогда как сам глагол употреблен в немаркированной (индикативной) форме **始める** *hajimeru*. В примере (8) отраженное на письме эмфатическое удлинение гласного и примыкание восклицательного знака отличает императивное **助けてえ** от формы незаключительного сказуемого **助けて** *tasukete* 'помогать-CNV'.

Итак, в целом восклицательный знак можно описать как эмотивно-апеллятивную МЭЧ, усиливающую категоричность высказывания.

2.3. Многоточие

В японском языке многоточие **リーダ** *riidaa* отличается богатым набором графических вариантов. Стандартной формой этого показателя является двухграфемная последовательность из шести точек [Данилов, Сыромятников 2001: 69, 108; Shoogakukan 2007: 64–67]; в текстах также встречаются последовательности меньшей или большей длины, в том числе образованные при помощи выходящей из употребления графемы [Сыромятников 1983: 134; Shoogakukan 2007: 64–67]. В сфере неформальной электронной коммуникации чрезвычайно распространены последовательности разной длины, состоящие из точек *maru* ◦, срединных точек . или запятых , [Shoogakukan 2007: 12, 17, 22, 66]. Кроме того, те же функции приписываются употребленному в конце предложения «длинному» тире **ダッシュ** *dasshu* — ⁶ [Данилов, Сыромятников 2001: 67–71; Shoogakukan 2007: 48–55, 64–66]. Характер противопоставлений между этими вариантами может служить темой отдельного исследования – в данной статье внимание на этих различиях не акцентируется.

⁶ Имеется целый ряд омонимичных показателей, которые не относятся к классу МЭЧ и не рассматриваются в данной статье.

Завершающее высказывание многоточие смягчает его категоричность, чем противопоставляется восклицательному знаку. Эта пунктуационная МЭЧ служит распространённым hesitantным маркером, который может передавать недоумение, незнание, колебание, затруднение с ответом [Данилов, Сыромятников 2001: 71; Shoogakukan 2007: 50, 64]. В то же время справочник [Shoogakukan 2007: 50, 65] описывает семантику многоточия (и тире) через идею своеобразного послевкусия, некоторого затаённого значения; в изложении [Данилов, Сыромятников 2001: 67–71] для выражения такой глубокомысленной недосказанности предлагаются довольно удачные русские эквиваленты «кто знает?», «как знать?»

- (11) 昔、友達の家で読んだのですが.....

mukashi, tomodachi no ie de yon-da no
давно друг GEN дом в читать-PST NML
des-u ga...
COP.ADR-PRS PTCL

‘Кажется, когда-то давно в гостях у друга я [что-то такое] читал’ [BCCWJ].

- (12) 「まあ、それ本当—」

«maa, sore hontoo —»
INTJ это правда

‘«М-да-а, но вот так ли это в действительности... [кто знает]»’ [Данилов, Сыромятников 2001: 68].

- (13) 上司に言い出しにくいです...

jooshi ni iidash-iniku-i des-u...
начальник DAT заговорить-FAC-PRS COP.ADR-PRS
‘С начальником заговорить трудно...’ [BCCWJ]

В терминах теоретической грамматики [Алпатов и др. 2008] употребленные таким образом многоточия и тире характеризуются нами как суггестивные заключительные частицы.

Многоточие и тире выполняют также чисто синтаксическую функцию, не всегда сопряжённую с приданием модально-экспрессивной окраски, — указывают на структурную (синтаксическую, дискурсивную) незавершённость выражений письменного языка. Многоточие широко используется в качестве универсального маркера незавершённости, сигнала о разрывах в потоке письменного дискурса и пропуске единиц любого структурного уровня, выполняя эту функцию не только в конце предложения, но и в начале или середине.

- (14) その作品で、「.....旅は人間ドラマの原点で、それを描くのが夢.....」と述べている。

sono sakuhin de, «...tabi wa ningen dorama
этот произведение в поездка TOP человек драма
no genten de, sore o kak-u no
GEN причина COP.CNV это ACC рисовать-PRS NML
ga yume...» to nobe-te i-ru.
NOM сон QUOT излагать-CNV AUX.PRG-PRS

‘В этом произведении говорится: «...эта поездка стала началом человеческой драмы, картины которой предстают перед нами, как сон...»’ [Данилов, Сыромятников 2001: 71].

- (15) 「と言うのは—いや、やみましょう。」

«to i-u no wa —
QUOT говорить-PRS NML TOP
iya, yosh-imash-oo.»
нет переставать-ADR-HOR

‘«Дело в том, что... Ладно, об этом в другой раз»’ [Данилов, Сыромятников 2001: 68].

Пример (15) представляет собой письменную имитацию фальстарта в устной речи, а в примере (14) наблюдается оmissия части цитаты. В обоих случаях многоточие и

тире служат ценными сигналами для интерпретатора, который не должен стремиться к непременно полному структурному анализу оформленной ими единицы. В этом отношении прежде всего указанные показатели противопоставляются точке.

Таким образом, в роли заключительных частиц многоточие и тире демонстрируют сочетание тех же самых значений, что связываются с их ближайшими аналогами среди МЭЧ с сегментными устными коррелятами – частицами *が* *ga* и *けど* *kedo* (см. распространенное сочетание *が*..... из примера (11)). Эти две суггестивные частицы ведут свое происхождение от формально совпадающих с ними противительных союзов, употребленных в сложных предложениях, где следующая после союза часть была подвергнута эллипсису [Прасол 1999: 45–51]. По-видимому, и для синонимичных им пунктуационных МЭЧ первичной следует признать именно функцию маркера незавершенности, а способность указывать на неуверенность или пониженную категоричность рассматривать как результат позднейшей эволюции.

Описанные особенности многоточия и тире – показательный пример того, как в своем функционировании и развитии знаки препинания подчиняются общим законам естественного языка.

2.4. Тильда

К области экспрессивной пунктуации конца предложения мы относим также японскую тильду 波形 *namigata* (букв. «волнообразный (знак)») ~ в употреблении, подобных следующим⁷:

(16) ブドウジュースみたいでおいしいね〜♪

budoo juusu mitai de oishi-i ne~♪
виноград сок EVD COP.CNV вкусный-PRS PTCL
'Как вкусно, похоже на виноградный сок!' [BCCWJ]

(17) 少しずつですがこのくせは治りますよ〜

sukoshizutsu des-u ga kono kuse
понемножку COP.ADR-PRS но этот дурная_привычка
wa naor-imas-u yo~
TOP исправляться-ADR-PRS PTCL
'Хоть и постепенно, но я-таки избавлюсь от этой привычки!' [BCCWJ]

(18) 応援のワンクリックお願いいたします〜

ooen no wankurikku o-nega-i itash-imas-u~
поддержка ATR один.клик HON-просить-CNV AUX.DPR-ADR-PRS
'Пожалуйста, только один клик!' [BCCWJ] (просьба о поддержке в интернет-голосовании)

Такая тильда, сообщаящая тексту дополнительную эмоциональную экспрессию, в устной речи соответствует удлинению гласного и в силу своего происхождения обладает меньшей автономностью, чем остальные описанные показатели письменного языка. В общем случае тильда является экспрессивным инфиксом: такой статус проявляется при употреблении внутри графически элементарных единиц, в частности некоторых наречий или глагольных форм; в МЭЧ же удлинится последний и часто единственный гласный, что и отражается на письме. Так, в словарь проекта [Unidic] вместе с эмоционально нейтральными формами союзного наречия *しかし* *shikashi* 'однако' и вопросительной частицы *か* *ka* включены их эмфатические варианты *しかーし* и *かー*

⁷ Следует отличать от тильды в функции интерпозиционного падежного показателя (междуполога) в выражениях вида 東京〜大阪 *tookyoo~oosaka* 'Токио – Осака', где она кодирует роли исходной и конечной точки, а также от ряда других омонимичных употреблений, которые в данной статье не обсуждаются.

(а также し か し и か со знаком долготы). Экспрессивная тильда может употребляться и транспозиционно:

(19) わーかーらーなーいー~~~~~

wa-ka-ra-na-i~~~~~

‘Не-по-ни-маа-ю!!!!’ [BCCWJ] (от わからない *wakar-ana-i* ‘понимать-NEG-PRS’)

Однако заметная употребительность тильды в конце предложения – непосредственно при заключительном предикате или другой частице – и общее сходство свойств делает целесообразным сопоставление этого показателя с другими МЭЧ. Удлинение конечного гласного в роли своеобразной заключительной частицы упоминает фундаментальная грамматика [Martin 2004: 915]; там же отмечается использование этого средства для эмфатического выделения наречий⁸. Согласно [Прасол 1999: 6], удлинение конечного гласного звука в МЭЧ придает высказыванию большую эмоциональную экспрессию. Опираясь на изложенные в [Прасол 1999: 6; Martin 2004: 915] характеристики устных коррелятов, мы склонны рассматривать тильду в качестве эмоционального маркера и включать в один ряд с другими чисто экспрессивными частицами.

Как регулярный письменный коррелят удлинения гласных в той же функции, что и тильда, используется знак долготы —, а также знаки слоговой азбуки (катаканы или хираганы, верхнего или нижнего регистра) и тире [Shoogakukan 2007].

2.5. Точка

В японском языке сосуществуют два вида точек – японская точка まる *maru* (или 句点 *kuten*) • и европейская точка ピリオド *periodo*. Круглая точка *maru* играет роль основного графического варианта этого показателя, а европейская черная точка распространена при горизонтальном письме; правила их употребления в целом совпадают [Данилов, Сыромятников 2001: 42–45].

Точка противопоставлена прочим заключительным частицам письменного языка как модально или экспрессивно не маркированный показатель. Ее употребление, в отличие от большинства МЭЧ, не сопряжено с какими-либо стилистическими ограничениями: точка встречается в любых видах текстов и является вторым по распространенности знаком препинания (после запятой).

Обладая крайне бедной по сравнению с другими МЭЧ содержательной стороной, точка сохраняет свойственный показателям этого класса чисто синтаксический компонент значения, сигнализируя о правой границе предложения. Сегментация речевого потока – главная функция этой заключительной частицы.

Активное использование точки в конце предложения и ее строгое противопоставление запятой⁹ в современных текстах во многом компенсирует утрату различий между атрибутивными и заключительными формами предикатов в письменном языке – в этом своем основном употреблении точка приближается к статусу аналитического показателя последних¹⁰. В примере ниже в русском переводе различаются финитная и причастная формы глагола, тогда как противопоставление их японских соответствий обеспечива-

⁸ Грамматика [Martin 2004: 915] сообщает также, что удлинение конечного гласного может выражать вопрос, причем это явление редко отражается на письме. Роль разных просодических средств устного языка (долготы, интонации) и их аналоги в письменной форме требуют в этом случае отдельного исследования.

⁹ В японском языке закрепилось только в первой половине XX в., см. подробнее в историческом экскурсе [Данилов, Сыромятников 2001: 28–41] и [Shoogakukan 2007: 11–15, 45].

¹⁰ Ср. в этом отношении судьбу частиц よ *yo* и な *na*, эволюционировавших в направлении показателей, соответственно, императива и прохибитива (см. показательное обсуждение в [Киэда 2008: 165–166] со сравнением *yom-e yo* (читать-IMP PTCL) ‘читай!’ и *oki-yo* (вставать-IMP) ‘вставай!’; ср. также описания な *na* в [Алпатов и др. 2008] и [Прасол 1999]).

ется только правым контекстом – определяемым именем при атрибуте и точкой при заключительном сказуемом:

- (20) 一人の子どもを育てる費用推計の際に利用した費目群をそのまま利用した。

hitori no kodomo o sodate-ru hiyoo
 один GEN ребенок ACC воспитать-PRS расходы
 suikei no sai ni riyoo-sh-ita
 оценка GEN время DAT использование-VRB-PST
 himokugun o sonomama riyoo-sh-ita.
 перечень_расходов ACC как_есть использование-VRB-PST
 '[Мы] использовали тот же самый перечень статей расходов, использованный при оценке расходов на воспитание одного ребенка' [BCCWJ].

Однако при большинстве неиндикативных форм, не способных к приименному употреблению, на первый план выходит главная функция точки как нейтрального разделителя без какой-либо дополнительной содержательной нагрузки.

Более насыщенной семантикой точка обладает в парцелированной записи, где выступает в роли своеобразного усилителя индикативности или фокусного маркера:

- (21) おつかれ。でした。

o-tsukare. desh-ita.
 HON-усталость COP.ADR-PST
 'Спасибо. Тебе' [Shoogakukan 2007: 12] (парцелированное устойчивое выражение).

- (22) 絶対ダメ。ってことはないよね。

zettai dame. tte koto wa
 совсем нельзя QOUT NML TOP
 na-i yo ne.
 COP.NEG-PRS PTCL PTCL
 'Ну ведь не то чтобы *совсем нельзя*!' [Shoogakukan 2007: 12]

Как отмечает справочник [Shoogakukan 2007: 12], парцелляция служит подчеркиванию некоторого смысла, создает эффект визуального выделения избранного фрагмента. В таком употреблении, по-видимому, точку следует включать в группу МЭЧ, усиливающих категоричность, или рассматривать в одном ряду с выделительными коммуникативными частицами типа *さえ sae*, *こそ koso* (FOC), ср.:

- (23) お前こそ問題だよ。

omae koso mondai da yo.
 ты FOC проблема COP.PRS PTCL
 'Проблема как раз в тебе!' [BCCWJ]

Структура примеров (21) и (22) имеет заметное сходство с избыточным использованием непунктуационных МЭЧ – своего рода «МЭЧ-паразитов», против распространения которых направлено упомянутое в [Martin 2004: 916] движение *ne-sa-yo-undo*. Примеры ниже иллюстрируют многократное употребление контакто-устанавливающей частицы *ね ne* и частиц *な na* и *よ yo* с апеллятивно-императивной семантикой:

- (24) あのね、ちょっとね、君に話があるんだがね。

ano ne, chotto ne, kimi ni hanashi
 INTJ PTCL INTJ PTCL ты DAT разговор
 ga ar-u n da ga ne.
 NOM быть-PRS NML COP.PRS PTCL PTCL
 'Эй, послушай, [у меня] к тебе есть разговор' [Прасол 1999: 3].

(25)いくら正月でもよ、そんなに飲むなよ。

ikura shoogatsu demo yo, sonna ni nom-una yo.
сколько Новый_год даже PTCL такой ADV пить-PRH PTCL
'Даже и по случаю Нового года нечего столько пить!' [Прасол 1999: 4]

(26)おまえな、向こうに行ったらな、よく誤っとけよな。

omae na, mukoo ni it-tara na,
ты PTCL там DAT идти-COND PTCL
yo-ku ayamattoke-yo na.
хороший-ADV извиняться-IMP PTCL
'Ты вот что, как пойдешь туда, извинись-ка как следует' [Прасол 1999: 4].

В примерах (21–22) и (24–26) частицы, стоящие в выделенном ряду не на последнем месте, отличаются от конечных тем, что ограничивают синтаксемы любого типа, в том числе синтаксически несамостоятельные единицы. Иначе говоря, показатели, которые традиционно привязываются к достаточно высокому уровню дискурсивной структуры и рассматриваются в качестве сигналов о границе предложения, в данном случае наблюдаются одновременно и на большей глубине¹¹. Такое нивелирование синтаксических рангов вызывает своеобразный эффект формального «уплощения» структуры высказывания, грамматическое оформление которого приобретает черты паратаксиста.

Указанная синтаксическая особенность дает основания некоторым исследователям японского языка выделять подобные показатели в особый класс «междометийных частиц» с функцией «однократного или многократного выделения фрагментов высказывания» [Прасол 1999: 3; Кизда 2008: 497–507, 615–617, 625–633]. В свете материального совпадения междометийных частиц с подмножеством заключительных МЭЧ и общей сложности их противопоставления стоит снова указать на прежнее ранговое неразличение японской точки о и запятой , , которые еще в начале XX в. функционировали как две графические формы одного и того же служебного показателя в позициях, характерных для точек и запятых в современном языке [Данилов, Сыромятников 2001: 28–41; Shoogakukan 2007: 11–15, 45].

Примечательно, что аналогичное развитие граничного маркера с бедной семантикой и широкой сочетаемостью в средство экспликации коммуникативной структуры высказывания (маркер фокуса) наблюдается и в случае японской запятой [Зверев 2013; Shoogakukan 2007: 14]. В силу того, что позиция при таких разделителях является графически выделенной, их «избыточное» употребление может служить средством привлечения внимания к примыкающим фрагментам текста.

3. ОСОБЕННОСТИ ПУНКТУАЦИОННЫХ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

В данной главе описываются некоторые особенности пунктуационных МЭЧ, которые сближают их с заключительными частицами с сегментными устными коррелятами или, напротив, составляют их специфику.

Сообщается, что в целях придания более тонкой модально-экспрессивной окраски высказывания могут завершаться неидиоматичным кластером МЭЧ, в составе которого комбинируются разные заключительные частицы [Прасол 1999: 6–13]. Пунктуационные МЭЧ тоже могут составлять такие кластеры – как самостоятельно, так и в сочетании с прочими частицами.

(27)へー、そんなに安いんですかー！？

he~, sonna ni yasui n des-u ka~!?
INTJ такой ADV дешевый-PRS NML COP.ADR-PRS PTCL
'Так дешево??? О_о' [BCCWJ]

¹¹ Здесь мы пользуемся известной метафорой, предложенной в работе [Yngve 1960]: глубина структуры увеличивается по мере продвижения от вершины синтаксического дерева к терминальным узлам.

В финальной последовательности заключительных частиц пунктуационные МЭЧ следуют за частицами с сегментными устными коррелятами; эта закономерность может нарушаться тильдой:

- (28) 値段が安い割りに美味しいーかな
 nedan ga yasui-warini oishi-i~ kana
 цена NOM дешевый-PRS сравнительно вкусный-PRS PTCL
 'При такой низкой цене вроде вкусно!' [BCCWJ]

Тем самым оппозиция пунктуационных и непунктуационных МЭЧ обеспечивает формальные средства для отсчета расстояния до правой границы предложения внутри заключительного кластера частиц. Крайнее правое положение занимают знаки препинания, тогда как прочие заключительные частицы располагаются во второй позиции с конца.

Среди явлений, которые можно наблюдать внутри кластеров заключительных частиц в письменном языке, отметим вытеснение другими пунктуационными МЭЧ точки – как информационно наименее нагруженного показателя. Примечательно, что авторы японских справочников и нормативных пособий находят необходимым указать на такое поведение вопросительного и восклицательного знака [Oogui 2006: 64, 68; Shoogakukan 2007: 30, 34]. Для прочих рассмотренных знаков препинания подобной нормы не установилось. В частности, многоточие свободно сочетается с круглой точкой в последовательностях вида '...', что может показаться достаточно необычным европейскому читателю, а «многозначительное» тире или многоточие даже может располагаться после точки [Shoogakukan 2007: 50, 65]:

- (29) 急に死んでしまつて、家族が直ぐ店を畳んで国へ帰つてしまつたそのあとは直ぐカフ
 ーになつてしまつた。――

kyuu ni shin-de shimat-te, kazoku ga sugu
 вдруг ADV умереть-CNV AUX-CNV семья NOM сразу
 mise o tatan-de kuni e kaet-te
 магазин ACC закрыть-CNV родина к вернуться-CNV
 shimat-ta sono ato wa jiki kafee ni nat-te shimat-ta.-
 AUX-PST этот после TOP тут.же кафе DAT стать-CNV AUX-PST
 'Когда [он] неожиданно умер, семья его тут же закрыла магазин и вернулась на родину, и сразу после этого [там] открыли кафе...' [Shoogakukan 2007: 50]¹²

В отсутствие точки возрастает грамматическая нагрузка многоточия или тильды как показателей правой границы предложения.

Отдельного внимания заслуживает способность пунктуационных МЭЧ к многократной редукации. В сфере неформальной электронной коммуникации протяженные последовательности из повторяющихся заключительных знаков препинания чрезвычайно распространены (ср. примеры (17, 19)). За пределами интернет-дискурса это явление встречается редко. Справочник [Данилов, Сыромятников 2001: 87] отмечает только парные сочетания !! и ??, которые, как и комбинации ? ! и ! ?, обычно не пропускаются корректорами. Повторы конечной тильды или экспрессивное удлинение многоточия не упоминаются. В справочник [Shoogakukan 2007] включены последовательности из двух и трех вопросительных или восклицательных знаков, которые описываются как усиленные, акцентированные формы ? или !.

¹² Пример записан в дореформенной орфографии и датирован 1932 г. В целом справочник [Shoogakukan 2007] весьма аккуратно снабжает устаревшие употребления соответствующими комментариями, но в этом случае такая характеристика отсутствует, как и при аналогичном примере с многоточием.

Вероятно, для знаков препинания такая многократная интенсифицирующая редупликация служит функциональным эквивалентом экспрессивной тильды, выступающей при прочих МЭЧ письменного языка, и является графическим аналогом распространенного в устной речи эмфатического удлинения звуков.

Пунктуационные заключительные частицы могут вытеснять связку, тем самым демонстрируя поведение, которое традиционно отмечается на материале канонических МЭЧ (ср. [Алпатов и др. 2008: 458; Прасол 1999: 6]). В первую очередь эта особенность относится к вопросительному и восклицательному знаку:

- (30) 簡単？
kantan?
простой
'Разве ж [это] просто?' [BCCWJ]

- (31) 毎日は無理！
mainichi wa muri!
каждый_день TOP чрезмерный
'[Общаться] каждый день – это чересчур!' [BCCWJ]

Исследователями МЭЧ отмечается грамматическая факультативность большинства таких частиц [Прасол 1999: 4]. В связи с этим следует обратить внимание на обязательность употребления точки. Как сообщалось выше, этот показатель служит основным средством деления текста на предложения, обеспечивая различие заключительных форм предикатов и их атрибутивных аналогов. Те же функции принимают на себя и другие пунктуационные МЭЧ, вытесняющие точку. Сильной грамматической нагрузкой наделяются также вопросительный и восклицательный знаки в тех случаях, когда они служат единственными признаками, соответственно, вопросительного или побудительного характера высказывания. В целом грамматическая обязательность более характерна для заключительных знаков препинания, чем для прочих МЭЧ: завершение предложения одним из знаков конечной пунктуации или их сочетанием, за редкими исключениями, является нормой современного письменного языка.

Завершая описание пунктуационных МЭЧ, следует указать на использование тех же графем для записи синонимичных единиц с большей автономностью – в контекстах, подобных следующему:

- (32) 「だれがやるの？」
「お前がやるのさ」
「！」
«dare ga yar-u no?»
кто NOM делать-PRS PTCL
«omaе ga yar-u no sa»
ты NOM делать-PRS PTCL PTCL
«!」
INTJ
'– Ну и кто [это] будет делать?
– Ты и будешь!
– Я?!' [Shoogakukan 2007: 34]

Справочник [Shoogakukan 2007: 31, 34] отмечает 「！」 в качестве выражения удивления, а 「？」 – сомнения или недоумения; реплика 「....」 понимается как хезитационный сигнал [Данилов, Сыромятников 2001: 71]. Устный коррелят вопросительного и восклицательного знака в таких употреблениях неочевиден. Согласно [Там же], многоточие соответствует молчанию (автором предлагается жестовая интерпретация «растерянно пожимает плечами»).

В таком употреблении знаки препинания сближаются с японскими междометиями 感動詞 *kandooshi*, которые функционально и содержательно сходны с заключительными МЭЧ и отличаются от них в первую очередь позиционной характеристикой и способностью к автономному употреблению (ср. [Алпатов и др. 2008: 511–515; Кизда 2008: 337–343; Martin 2004: 1041–1045]). В силу присутствия кавычек в терминах [Мельчук 1997; Плунгян 2000] данным единицам следует приписывать морфологическую слабую автономность¹³. По данным [BCCWJ], в репликах диалогов могут встречаться и сложные сочетания вида 「 ? ... 」, 「 ? ! 」.

Отметим также возможность автономного употребления заключительных знаков препинания как существительных – в кавычках или без них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье нами предложено описание основных конечных знаков препинания японского языка как заключительных частиц и рассмотрены две базовые функции показателей этого класса – выделение предложений в речевом потоке и сообщение им модально-экспрессивной характеристики. Показано, что пунктуационные МЭЧ функционируют в письменном языке по образцу прочих заключительных частиц с сегментными устными коррелятами, подробно описанных в работах японистов. Два вида МЭЧ демонстрируют сходство, выражая один спектр значений и располагаясь в конце предложения, где служат задачам линейной сегментации дискурса. Можно утверждать, что тенденция к использованию сегментных показателей правой границы, наблюдаемая в предложениях устного японского языка, в его письменной форме оказывается практически возведенной в ранг абсолютного правила.

В основу настоящей статьи положена идея о применении к знакам препинания теоретического аппарата, который был разработан для описания непунктуационных единиц – канонических МЭЧ. Но не менее важным видится шаг в обратном направлении: заключенная в значении последних информация о некоторой границе – обычный объект внимания специалистов в области пунктуации – представляет не меньшую ценность, чем активно исследуемые несинтаксические компоненты.

Как и в случае знаков препинания, на материале канонических МЭЧ можно отметить явные объединяющие тенденции чисто графического (фонетического) характера. Значительное число МЭЧ, которые составляют ядро этого класса (ね, さ, よ и др.), на письме выражаются одной графемой-знаком слоговой азбуки, а в устной речи им соответствует одна *on* (мора) (C)V. Но японская частеречная классификация, насколько нам известно, не уделяет внимания обстоятельствам такого рода. Соответственно, в класс МЭЧ уверенно включаются и фонетически более сложные единицы вроде *もんか monka* или *がな gana* – хотя примечательно, что именно в таких случаях мнения разных авторов расходятся [Алпатов и др. 2008: 452–471; Кизда 2008: 615–625; Прасол 1999; Martin 2004: 914–958]. Напротив, единицы простейшего формального устройства относятся, например, к падежным послелогам (が, に, を и др.), для которых это свойство тоже не считается определяющим.

Подражая авторам популярных справочников, мы могли бы описать конечные знаки препинания в более традиционном стиле: использовать разработанные для изучения МЭЧ инструменты, обнаружив характерные для МЭЧ свойства, и при всем этом не называть знаки препинания заключительными частицами, ссылаясь на особенности, которые имеют отдаленное отношение к задачам частеречной категоризации и совсем не учитываются в грамматических описаниях. Представляется, однако, что результат такого подхода к заключительной и иной пунктуации оказался бы слишком уязвимым перед бритвой Оккама и имел бы ограниченное практическое применение в обработке письменной речи (см., в частности, упомянутые во введении проблемы [Unidic]).

¹³ Мы не исключаем, что в области неформальной электронной коммуникации может наблюдаться и сильная автономность, однако примеров такого рода нам неизвестно.

Мы полагаем целесообразным приложить к материалу других языков как изложенных в начале статьи общих принципов описания пунктуации, так и представленного подхода к заключительным знакам препинания.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ACC – аккузатив	HOR – гортатив
ADR – адрессив	IMP – императив
ADV – наречие	INTJ – междометие
ATR – атрибут	NEG – отрицание
AUX – вспомогательный глагол	NML – субстантиватор
BEN – бенефактив	NOM – номинатив
COND – условие	PASS – пассив
COP – связка	PRG – прогрессив
CNV – дееспричастие	PRH – прохитив
DAT – датив	PRS – настоящее-будущее время
DPR – депрессив	PST – прошедшее время
EVD – эвиденциальность	PTCL – частица
FAC – фасилитатив	QUOT – цитационный союз
FOC – фокус	TOP – топик
GEN – генитив	VRB – вербализатор
HON – гоноратив	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 1993 – Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26. [Alpatov V.M. On the anthropocentric and system-centric approaches to language. *Voprosy jazykoznanija*. 1993. No. 3. Pp. 15–26.]
- Алпатов и др. 2008 – Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Т. 1. М.: Наталис, 2008. [Alpatov V.M., Arkad'ev P.M., Podlesskaya V.I. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of Japanese]. Vol. 1. Moscow: Natalis, 2008.]
- Данилов, Сыромятников 2001 – Данилов А.Ю., Сыромятников Н.А. Японский язык. Пунктуация, знаки повтора, вспомогательные пометы. М.: Муравей-Гайд, 2001. [Danilov A.Yu., Syromyatnikov N.A. *Yaponskii yazyk. Puntuatsiya, znaki povtora, vspomogatel'nye pomety* [The Japanese language: punctuation, iteration marks, auxiliary symbols]. Moscow: Muravei Guide, 2001.]
- Зверев 2013 – Зверев А.С. Нестандартное употребление запятой в письменном японском языке: отделение существительных от падежных послелогов // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2013». М.: МАКС Пресс, 2013. [Zverev A.S. Non-standard use of the comma in modern written Japanese: detaching nouns from case postpositions. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «Lomonosov-2013»*. Moscow: MAK Press, 2013.]
- Кизда 2008 – Кизда М. Грамматика японского языка. Т. 1. М.: ЛКИ, 2008. [Kieda M. *Grammatika yaponskogo yazyka* [Japanese grammar]. Vol. 1. Moscow: LKI, 2008.]
- Маевский 2000 – Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка. М.: Муравей-Гайд, 2000. [Maevskii E.V. *Graficheskaya stilistika yaponskogo yazyka* [Graphical stylistics of Japanese]. Moscow: Muravei Guide, 2000.]
- Мельчук 1997 – Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. 1. М.: Прогресс, ЯРК; Вена: WSA, 1997. [Mel'čuk I.A. *Kurs obshchei morfologii* [A course of general morphology]. Vol. 1. Moscow: Progress, YaRK; Vienna: WSA, 1997.]
- Плунгян 2000 – Плунгян В.А. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. [Plungian V.A. *Obshchaya morfologiya. Vvedenie v problematiku* [General morphology: introduction to the topic]. Moscow: URSS, 2000.]
- Прасол 1999 – Прасол А.Ф. Заключительные модально-экспрессивные частицы в японской речи. Владивосток: Издательство ДВУ, 1999. [Prasol A.F. *Zaklyuchitel'nye modal'no-ekspressivnye chastitsy v yaponskoi rechi* [Modal and expressive sentence-final particles in Japanese speech]. Vladivostok: Far Eastern Univ., 1999.]

- Реформатский 2000 – Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2000. [Reformatskii A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow: Aspekt Press, 2000.]
- Сыромятников 1983 – Сыромятников Н.А. Членение предложений знаками препинания в японской письменности XX в. // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1983. С. 128–136. [Syromyatnikov N.A. Sentence segmentation with punctuation marks in the 20th century Japanese script. *Vostochnoe yazykoznanie: grammaticheskoe i aktual'noe chlenenie predlozheniya*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 128–136.]
- Шаляпина 2007 – Шаляпина З.М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: к общей теории лингвистических моделей. М.: Восточная литература, 2007. [Shalyapina Z.M. *Trekhmernaya stratifikatsionnaya model' yazyka i ego funktsionirovaniya: k obshchei teorii lingvisticheskikh modelei* [A three-dimensional stratification model of the natural language and its functioning: towards a general theory of linguistic models]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007.]
- Шапиро 1955 – Шапиро А.Б. Современный русский язык. Пунктуация. М.: Издательство АН СССР, 1955. [Shapiro A.B. *Sovremennyi russkii yazyk. Puntuatsiya* [Modern Russian punctuation]. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1955.]
- Шварцкопф 1988 – Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. [Shvartskopf B.S. *Sovremennaya russkaya punktuatsiya: sistema i ee funktsionirovanie* [Modern Russian punctuation: the system and its functioning]. Moscow: Nauka, 1988.]
- Fornell 1996 – Fornell J. Punctuation in the Bravice English-to-Japanese machine translation system. *Punctuation in computational linguistics*. Jones B. (ed.). Santa Cruz: UCSC, 1996. Pp. 25–32.
- Jones 1996 – Jones B.E.M. *What's the point? A (computational) theory of punctuation*. PhD thesis. Edinburgh: University of Edinburgh, 1996.
- Martin 2004 – Martin S.E. *A reference grammar of Japanese*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2004.
- Nunberg 1990 – Nunberg G. *The linguistics of punctuation*. Stanford: Center for the study of language and information, 1990.
- Yngve 1960 – Yngve V.H. A model and an hypothesis for language structure. *Proceedings of the American philosophical society*. 1960. Vol. 104. No. 5. P. 444–466.
- Zverev 2013 – Zverev A. The question mark in modern Japanese. *Conference of the Pacific association for computational linguistics – PACLING 2013 proceedings. September 2–4, 2013, Keio University, Tokyo, Japan*. Tokyo, 2013.
- Akizuki 2009 – 秋月高太郎 Akizuki Kootaroo. 日本語ヴィジュアル系 – あたらしいにほんごのかきかた [The visual system of Japanese – a new Japanese way of writing]. Tokyo: Kadokawa, 2009.
- BCCWJ – 現代日本語書き言葉均衡コーパス (中納言) [Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (Chuunagon)]. Available at: <https://chunagon.ninjal.ac.jp>
- Oorui 2006 – 大類雅敏 Oorui Masatoshi. 句読点活用辞典 [A practical dictionary of punctuation]. Tokyo: Eiko, 2006.
- Shoogakukan 2007 – 句読点、記号・符号活用辞典 [A practical dictionary of punctuation, special marks and symbols]. Tokyo: Shoogakukan, 2007.
- Unidic – Morphological dictionary Unidic (v.2.1.2). Available at: <http://sourceforge.jp/projects/unidic/> [Unidic morphological dictionary (v.2.1.2)]

Сведения об авторе:

Алексей Сергеевич Зверев
МГУ им. М.В. Ломоносова /
Институт востоковедения РАН
zvereval@inbox.ru

Information about the author:

Alexey S. Zverev
Lomonosov Moscow state university /
Institute of oriental studies (RAS)
zvereval@inbox.ru
Moscow / Russia

Статья поступила в редакцию 02.03.2014.